

Глава VIII

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТА ЛЕТОПИСЕЙ

Изучение текста летописей представляет многое своеобразного, связанного с тем, что летописи составлялись не так, как другие литературные и исторические произведения Древней Руси. Летописи велики по объему, они развивались одна из другой, непрерывно, путем переработок и составления сводов предшествующего материала. Близки к летописям (но не во всем) по характеру своего текста хронографы, степенные книги, различного рода палеи, Единский и Римский летописец. Поэтому отдельные принципы текстологического изучения летописания могут быть применены и к этим близким летописанию по своему характеру произведениям.

Текстологическое изучение летописей очень сложно, и вместе с тем в нем имеются крупные достижения. Наука о русском летописании насчитывает около 200 лет своего существования. Изучением текста летописей занимались Н. И. Костомаров, И. И. Срезневский, К. Н. Бестужев-Рюмин, А. А. Шахматов, А. Е. Пресняков, М. Д. Приселков, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, А. Н. Насонов. Им продолжают заниматься Б. А. Рыбаков, Я. С. Лурье, Г. М. Прохоров, Б. М. Клосс и другие крупные специалисты.

На изучении текста летописей оттачивались многие передовые принципы текстологических исследований, которые затем с успехом стали применяться и по отношению к другому материалу¹.

В настоящей книге уже приводились многие примеры из изучения текста летописей, поскольку текстология летописания выработала основные принципы современной текстологии вообще. В данной главе мы остановимся по преимуществу на специфических чертах изучения текста летописей.

¹ См. об этом в рецензии Д. С. Лихачева на книгу: Л. В. Черепнин. Феодальные архивы XIV–XV вв. Т. I и II (Изв. АН СССР, ОИФ, 1952. Т. IX, № 3. С. 300–304).

Работа летописца

Методика текстологических исследований, как мы уже видели, в значительной степени зависит от того, как работал древнерусский книжник. Особенности текстологического изучения летописей также в известной мере зависят от того, как работал древнерусский летописец.

В литературе о древнерусском летописании было много споров о том, как велись летописи. Одни из исследователей видели в составителях летописей нехитрых, немудрствующих и объективных излагателей фактов. Другие, как А. А. Шахматов и М. Д. Приселков, предполагали на основании текстологических данных, что летописцы были весьма осведомленными источниками, соединявшими различный материал предшествующих летописей под углом зрения определенных политico-исторических концепций. Безусловно правы последние. Именно их представления позволили распутать сложный состав летописных сводов и построить общую схему истории русского летописания. Приложение этих взглядов к текстологии летописания оказалось практически плодотворным.

Обратимся к заявлениям и высказываниям самих летописцев и детально ознакомимся с их работой.

Прежде всего отметим, что характер текста летописей во многом определялся их острой политической направленностью.

Летопись была самым тесным образом связана и с классовой и внутриклассовой борьбой своего времени, с борьбой между собой отдельных феодальных центров. В 1241 г. галицкий князь Даниил приказал своему печатнику Кириллу «исписать грабительство нечестивых бояр», и этот отчет Кирилла составил основную часть княжеской летописи Даниила. В другом случае (1289 г.) князь Мстислав Данилович приказал занести в летопись крамолу жителей Берестья.

То, как смотрел сам летописец на свой труд, показывает следующая характерная запись в сгоревшей Троицкой летописи. Под 1392 г. в ней читались горькие упреки новгородцам за их непокорность великим князьям: «Беша бо человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставаны... кого от князь не прогневаша или кто от князь угоди им? Аще и великий Александр Ярославич [Невский] не уноровил им!» В качестве доказательства летописец ссылается на московскую летопись: «И аще хощеши распытывать, разгни книгу Летописец Великий Русьский — и прочти от Великого Ярослава и до сего князя нынешнего»¹. Действительно, московская летопись полна политическими выпадами против новгородцев, тверичей, сузальцев, рязанцев, так же как и рязанская, тверская, новгородская, нижегородская летописи — против москвичей. В летописи мы встретим гневные обличения боярства (в галицкой, владимирской, московской), демократических низов

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V. Изд. Эйнерлинга. Б. м. и г., примеч. 148.

(в новгородской), резкую защиту «черных людей» от житых людей и боярства (в некоторых псковских летописях), антикняжеские выпады самого боярства (в летописи новгородской XII в.), защиту основ великокняжеского «единодержавства» (в летописи тверской середины XV в. и в московской конца XV—XVI в.) и т. д.

О чисто «мирских» — политических задачах, которые ставили перед собой летописцы, говорят и предисловия к летописям. Этих предисловий сохранилось немного, так как во всех случаях позднейших переделок летописей они уничтожались, как не соответствующие новым задачам включивших их летописных компиляций. Но и те предисловия, которые сохранились, достаточно отчетливо говорят о конкретных политических целях, которые ставили себе летописцы.

Составитель «Летописца княжения тверского благоверных великих князей тверьских» (свода тверского князя Бориса Александровича) пишет в предисловии к своему труду, что он выполнил его по повелению «благочестия дръжателю» князя Бориса Александровича, что труд свой он посвящает прославлению «чести премудраго Михаила, боголюбиваго князя», т. е. Михаила Александровича Тверского. Он намечает границы своего летописания — «от Киева же бо начну даже и до сего богохранимаго Тверского града», говорит об источниках своей компиляции («Владимирский полихрон», «Руский гранограф по великому изложению») и точно указывает свои задачи: показать, как «Господь бог възвыси и прослави рог Тверская земля», доказать, что и Михаил, и его отец Александр Тверской были «самодержцами», «владяху землею Рускою», заимствовав свою власть по прямой наследственной линии от великого Владимира, «иже святым крещением просветивый землю Рускую»¹.

Совсем иной, антикняжеский характер носит предисловие Софийского временника. Его составитель не ставит себе целей восхваления кого бы то ни было. Напротив, летописец собирается поучать своих современников примером древних князей; он делает резкие замечания по поводу князей своих современников, иронизирует над поведением их и их дружины. «Вас молю, стадо Христово: с любовию приклоните ушеса ваша разумно! Како быша древнии князи и мужи их. И како отбараняху Руския земля и иныя страны принимааху под ся: тии бо князи не сбирааху многа имения ни творимых вир, ни продажь въскладааху на люди. Но оже будяше правая вира, а тут взимааше и дружине на оружие дая. А дружина его кормяахуся, воюющи иныя страны, бьющеся: «Братие! Потягнем по своеи князи и по Руской земли». Не жадаху: «Мало мне, княже, 200 гривен!». Не кладяаху на свои жены золытых обручей, но хожааху жены их в сребре. Иросплодили были землю Рускую; за наше несытство навел бог на ны поганья и скоти наша и села наша и имения наша за теми суть. А мы злых своих не останем...»².

¹ Тверская летопись. — ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863. С. 463—469.

² Софийская первая летопись, вып. I. — ПСРЛ, т. V. Изд. 2-е. Л., 1925. С. 9.

Политически-тенденциозный характер летописи может быть продемонстрирован следующим примером: под 6840 (1332) г. в Синодальном списке Новгородской первой летописи читается: «Иван [Калита] приде из Орды и възверже гнев на Новъгород, прося у них сребра Закамьского, и в том взя Торжек и Бежичьский верх за новгородскую измену». Однако, как уже упоминалось (см. выше, с. 94), слова «за новгородскую измену» оказываются написанными по выскобленному, а первоначально, как это видно из чтения других списков Новгородской первой летописи, в нем стояли слова: «черес крестное целование»¹. Это означает, что новгородец-летописец обвинял Ивана Калиту в нарушении крестного целования; москвич же летописец, в руках которого в XV в. побывал Синодальный список, обвинил самих новгородцев в измене, выскоблив обвинения Калите. Создатель летописи — будет ли это монах Киево-Печерского монастыря, представитель белого духовенства (как в Новгороде — Герман Воята), посадник (как в Пскове), московский дьяк или, наконец, сам князь — не был отрешенным от жизни человеком. Представления о том, что летописи составлялись по частной инициативе в тиши монастырских келий, давно оставлены.

Внимательное чтение летописи, особенно параллельное чтение нескольких летописей, отчетливо показывает, как сильно был погружен летописец в чисто мирские интересы, как тесно была связана его работа с политической борьбой своего времени. Одно и то же событие вызывало у разных летописцев то восклицания радости, то проявления горя (ср., например, описание смерти Юрия Долгорукого в киевской летописи и во владимирской), гнев или удовлетворенность, иронию или сочувствие. Летописец стремился поставить свою летопись на службу интересов того или иного князя, епископа, монастыря, той или иной феодальной группы, отстаивал свою историческую концепцию.

*

Современное изучение текста летописей исходит из представлений о них как о «сводах» — огромных компиляциях предшествующих летописей. Летописец не был творцом в с е г о текста своих летописей.

Обычно летописи начинались рассказом о начале Руси или начале мировой истории. Этот рассказ составлялся летописцем на основании уже имевшихся у него письменных материалов. Материалов могло быть в его распоряжении много или мало. Это могла быть даже просто одна летопись, которую он, переписав, дополнял сведениями за последние годы. Если летописец был простым переписчиком, то этим отнюдь не отменялся сводный характер его летописи, ибо переписываемый им текст был все же сво-

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 99 и 344.

дом предшествующего материала: почти всякий летописный текст, создаваясь, компилировал предшествующий материал. Источники летописных известий очень часто указываются самими летописцами. Так, в Псковской летописи в Румянцевском списке (ГБЛ, Муз. собр., № 249) и в Вахрамеевском (ГИМ, собр. Вахрамеева № 499) под 6360 г. после слов «начатся прозывати Российская (в Типографской летописи: Руская. — Д. Л.) земля», добавлено следующее: «и ходиша славяне из Новагорода, кн[я]зь именем Бравлин воевати на Греки и повоеваша Греческую землю: от Херсона и до Корчева и до Сурожа около Ц[а]ряграда». На полях против этого текста киноварью написано: «О сем писано в чудех Стефана Сурожского», т. е. в Житии Стефана Сурожского, откуда сведения об этом походе и взяты¹. В Синодальном списке Псковской летописи (рукописный сборник Синодального собрания № 154, ГИМ) имеются ссылки на «Русский летописец». Вот что пишет по этому поводу А. Н. Насонов: «Рассказывая о походе Ивана Васильевича на Новгород (под 6979 г.), летописец (Синодальный список) говорит: “О сем аще хощеши уведати, прошед Руский летописец вся си обрящеши. Мы же о нем же начахом, сиа и скажем от велика некая мала” (ПСРЛ, т. V). Об этом “летописце” читаем в известии под 6860 г.: “Бысть мор зол в Пскове, и по селом и по всей волости, хракотный; о сем пространне обрящеши написано в Руском летописци” (там же); подробный рассказ о море читаем в Новгородской четвертой летописи и аналогичный — в Строевском, Архивском 2 и Архивском 1 списках. Из сказанного автором видно, что он сокращенно передавал свой источник — “Русский летописец”»².

Ссылка на «старые летописцы», которыми пользовался летописец, имеется и в летописи Авраамки³.

В Тверском сборнике под 1276 г. летописец пишет: «по то же лето князя летописец»⁴. На свой источник ссылается летописец и в предисловии к суду Бориса Александровича Тверского: «Дозде пишуши уставихом ис пръваго летописца въображающе, яко же Володимерский полихрон степенем приведе яве указует, и пречестнейша сего в князех являет...»⁵.

В Новгородской пятой летописи при статье 1405 г. на поле сказано: «А се с другого старого», т. е. «а это списано с другого, старого летописца»⁶.

В Софийской первой летописи начиная с 1077 по 1090 г. читаются отметки на полях: «А писано в Киевском»; «Ищи в Киевском» и пр.⁷

¹ Псковские летописи, вып. 1. Подгот. к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941. С. LIX.

² Там же. С. XLV—XLVI.

³ ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889, стб. 173 (под 1491 г.).

⁴ ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стб. 405.

⁵ ПСРЛ, т. XV. СПб., стб. 465.

⁶ ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, примеч. а. Ср.: А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 199.

⁷ ПСРЛ, т. V. Л., 1925. С. 147—149.

Источники летописи могли быть не только письменные, но и устные. Интересный пример выявления устных источников летописного текста дает исследование А. Н. Насоновым Синодального списка Псковской летописи: «Рассказывая под 6994 г. о столкновении московского князя с тверским, составитель Синодального списка замечает: “Токмо нечто мало слыхах от етера мужа” и т. д. (ср. выражение в Синодальном списке под 6988 г.: “Явибо ся тогда етеру мужю благоверный князь Домонт” — ПСРЛ, т. V). Составитель, таким образом, указывает на устные показания как на один из своих источников. Что в данном случае говорит именно составитель Синодального списка, можно полагать на следующем основании: фраза (после слов о том, что Иван Васильевич разгневался на тверского князя) читается так: “а не вемы про что, то бог ведает и они сами в себе; токмо...” и т. д.; выражение “а не вемы про что” — весьма характерно для текста Синодального списка последних лет: так, в тексте предыдущего (6993) года, после известия о походе на турок, мы читаем: “и не вемы, что будет по сих”; после известия о нападении турок: “и не вемы, что срящеть ны по сих”; под 6992 г. в рассказе об обретении новгородцами иконы на Волхове: “откуду бе не вемы”; под 6991 г. в известии о том, что послы великого князя ездили в Кесь: “не вемы о чем”; под 6990 г. в известии о том, что в Псков приехали послы от мастера (магистра Ливонского ордена. — Д. Л.) и поехали к великому князю: “не вемы чего деля” (кроме того, под 6993 г. читаем: “буди же и се ведомо, яко сие лето в Псковской земли многим христианом бысть велми притужно о хлебе”; ср. под 6937 г.: “се же буди ведомо, яко сий князь Александр уже третнее приеха в Псков князем”). Итак, мы имеем основание полагать, что сам составитель Синодального списка говорит о своем особом источнике: устных показаниях. Именно тем, что автор пользовался таким источником, мы объясняем живость рассказа в Синодальном списке, например, под 6987 г. в рассказе о походе на Псков, или под 6989 г. в повествовании о князьях Борисе и Андрее (об отказе их идти на немцев, об их бесчинствах в Псковской области и т. п.) и о самом походе на немцев, передающем настроение современника-псковича (ср. последние слова: “яко же неции рекоша и Псков стал не бывало тако”»¹.

Понятие летописного свода было выработано в науке еще в XIX в. — в работах П. М. Строева и К. Н. Бестужева-Рюмина. Однако П. М. Строев и К. Н. Бестужев-Рюмин представляли себе летописные своды как механическое соединение разнообразного материала. А. А. Шахматов же открыл в русских летописях сознательную волю их составителей, стремившихся вложить в составляемые ими своды определенную историко-политическую концепцию — концепцию того или иного феодального центра.

Вместе с тем А. А. Шахматов указал на бережное отношение летописцев к текстам своих предшественников. А. А. Шахматов считался с тем, что пе-

¹ Псковские летописи. Вып. 1. С. XLVI.

реработка предшествующего летописного материала могла быть допущена составителем летописного свода лишь по очень веским основаниям, максимально сохраняла предшествующий текст и носила строго определенные формы, ограничиваясь выработанными приемами сокращений, дополнений из других источников или некоторыми, редкими поновлениями языка и стиля. Комбинируя известия предшествующих сводов, летописец стремился сохранить их архаический вид, как бы угадывал их документальный характер. Ни произвольного искажения текста, ни фантастических добавлений и необоснованных утверждений летописцы, работавшие до XVI в.¹, как правило, не допускали. Отсюда сравнительно поздние летописи обильно сохраняют в неизменном виде известия XI–XIII вв. Однако при этом они обрабатывали предшествующий материал так, чтобы придать ему характер, подтверждающий их политическую концепцию: путем отбора нужного материала, комбинирования источников, самого привлечения нужных источников и иногда только путем осторожного изменения текста.

Самое составление летописного свода бывало приурочено к каким-либо значительным официальным событиям в жизни феодальных центров: вступлению на стол нового князя, основанию собора, учреждению епископской кафедры и т. д. Таким образом, работа летописцев в известной мере носила закономерный, единообразный характер. Летописи были внутренне цельными, политически заостренными произведениями.

Такое представление о летописи как о бережной, политически продуманной компиляции предшествующего летописного материала открывало перед исследователем широкие возможности восстановления лежащих в основе летописных списков древнейших сводов, а их приуроченность к знаменательным событиям политической жизни облегчала их датировку. Непрерывность летописной традиции и ее «закономерность» позволили исследователям летописания анализировать работу летописца, вскрывать в ней труд его предшественников, снимать в летописных сводах слой за слоем, подобно тому как поступают археологи в своих исследованиях. Терпеливо распутывая в списках XV–XVI вв. легшие в их основу комбинации предшествующих сводов и анализируя их взаимоотношения, А. А. Шахматову, а затем М. Д. Приселкову, А. Н. Насонову и другим удалось шаг за шагом восстановить всю огромную многовековую историю русского летописания — вплоть до древнейших текстов первой половины XI в. Перед филологической наукой неожиданно открывались, таким образом, возможности восстановления утраченных памятников литературы. Открытие этих возможностей имело исключительное значение. Опыты восстановления древнейших памятников летописания явились одними из высших достижений русской филологической науки. При этом лучшим и наглядным подтверждением правильности исследовательских приемов А. А. Шахматова по изуче-

¹ Характер работы летописцев в XVI в. несколько меняется.

нию состава исчезнувших памятников явились открытия им новых списков летописей, полностью оправдавших своим составом многие из его положений¹.

*

Характер сводов имеют не только русские летописи, хотя в летописи эта черта выражена наиболее ярко и должна больше всего учитываться текстологами.

Характер «сводов» имеют русские хронографы (Еллинские летописцы всех видов, русские хронографы всех редакций), патерики, исторические повести о Смуте и т. д.

Пополнение основного текста местными материалами происходило постоянно, если только к этому по самому характеру памятника, по особенностям его жанра была возможность. Из жанров такого рода отметим, например, Пролог. Пролог — это сборник, составленный из различных статей о святых, расположенных по дням года. Это расположение материала легко позволяло пополнять его новыми материалами без ломки всей структуры памятника. При чтении о чужих святых естественно возникала мысль пополнить его сведениями о святых своих — местных, иногда только местно почитаемых. Читатели делали дополнения на полях, а эти дополнения в последующей переписке вносились в текст. Вносились в текст и отдельно существовавшие произведения о местных святых. Так, в псковских списках Пролога обычно бывает вписано житие псковского святого — князя Довмонта-Тимофея. Такое пополнение известий составляет очень типичное явление, как мы видели выше, и для летописи.

¹ Насколько точными были выводы Шахматова в отношении позднего летописания, может быть показано на следующем примере. Изучая сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел № 20–25, в начале которого находится летопись, названная Карамзиным Ростовскою, Шахматов нашел, что она представляет собою слияние Новгородского свода, составленного в 1539 г., и Московского, составленного в 1479 г. (см.: А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904). Позднейшие открытия полностью подтвердили этот вывод Шахматова. Шахматову удалось найти впоследствии рукописи, отдельно отразившие и этот Новгородский свод 1539 г., и Московский свод 1479 г. Новгородский свод 1539 г. был обнаружен Шахматовым в рукописи имп. Публичной библиотеки (ГПБ, F IV. 238), Московский же свод 1479 г. Шахматов нашел позднее в так называемом Эрмитажном списке № 416-б той же библиотеки. Впоследствии М. Н. Тихомиров нашел еще один список свода 1479 г. (ГИМ, Уваровская № 1366). Вряд ли можно привести более яркий пример, когда бы указания ученого-филолога оправдывались с такой точностью непосредственным открытием предполагаемых рукописей. В этом отношении открытие Новгородского свода 1539 г., и Московского свода 1479 г. напоминает известный случай с открытием Леверье планеты Нептун: вначале существование этой планеты было доказано математическими вычислениями, и только затем Нептун был открыт непосредственным, визуальным наблюдением.

В «своды» группируются многие из русских повестей (например, сказания об иконе Николы Заразского, литературная история которых во многом напоминает историю летописных сводов).

Отличие, однако, летописных сводов от всех прочих заключается в том, во-первых, что сводный характер в летописях выражен гораздо резче, чем в других литературных жанрах Древней Руси, а во-вторых, в том, что летописные своды не просто соединяют различные произведения, а соединяют под каждой годовой статьей отдельно. Текст летописи входит в текст другой летописи «гребенкой»: каждая годовая статья представляет собой маленькую самостоятельную компиляцию и очень часто сходна по своей структуре с другими смежными годовыми статьями.

Открытие сводного, компилиативного характера русских летописей, сделанное П. М. Строевым (предисловие к «Софийскому временнику», 1820 г.), стало одним из незыблемых основ науки о летописании. Без учета этой особенности русских летописей невозможно их научное изучение.

*

Весьма существен для текстологических исследований вопрос о том, кто были по своему положению в обществе летописцы. Прежде всего отметим, что церковь и церковные деятели в Древней Руси стояли в самом центре политики. Поэтому сама по себе принадлежность летописца к церковным служителям (в тех случаях, когда она имела место) еще не свидетельствовала о том, что перед нами отрешенный от жизни человек. Вместе с тем широко распространенные представления о том, что летописцы были исключительно монахами, в корне неверны, ведут к неправильному представлению о летописании. В настоящее время не может представить сомнений весьма разнородный социальный состав летописцев, среди которых были рядовые монахи, игумены и епископы, представители белого духовенства и князья, дьяки великих князей московских и псковские посадники, послы, бояре и монастырские библиотекари.

Попробуем бегло перечислить известных нам по имени летописцев.

Летописцем был крупный политический деятель игумен Киево-Печерского монастыря Никон, изгнанный князем Изяславом в Тмуторокань.

Под 1097 г. в «Повести временных лет» нам известен Василий, описавший драматическое ослепление Василька Теребовольского. Его почему-то считают «попом», но данных к этому нет никаких. Известно только, что он выполнял дипломатические поручения.

Как летописец, в известной мере может рассматриваться князь Владимир Мономах, оставивший нам краткие летописные сведения о своих походах («путях») и охотах («ловах»). К летописанию же был причастен его сын — новгородский князь Мстислав Владимирович¹.

¹ См.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 43–44; Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.; Л., 1947. С. 177–179.

Под 1116 г в Лаврентьевском списке «Повести временных лет» сделал о себе запись летописец — игумен Выдубецкого монастыря Сильвестр.

Под 1144 г. в Синодальном списке Новгородской летописи отметил свое появление в попы церкви Якова летописец Герман Воята. Он не был монахом, а был белым попом. Об этом Германе Вояте известно, что он выполнял дипломатические поручения новгородского епископа Нифонта. Продолжал летопись Германа Вояты пономарь той же церкви Тимофей.

В середине XII в. имел отношение к новгородскому летописанию Кирик-доместик (т. е. «уставщик» — регент церковного хора и библиотекарь) Антониева монастыря, автор ученого сочинения по хронологии — «Учение им же ведати числа всех лет»¹.

В Ипатьевской летописи отразилось летописание киевского боярина Петра Бориславича².

В первой половине XIII в. летопись князя Даниила Романовича Галицкого составлял его «печатник» (хранитель печати — «канцлер») Кирилл. Этому Кириллу Даниил Галицкий поручил «исписать грабительства бояр», и отчет этот, как мы уже указывали, помещен в летописи Даниила³.

Имела отношение к летописанию ростовская княгиня Мария Михайловна — вдова князя Василька Константиновича⁴. Возможно, что она была не только заказчицей летописного свода, но и сама вписала в него многие строки.

Рядовым монахом был, по-видимому, Лаврентий, по имени которого названа Лаврентьевская летопись. Сам о себе он пишет, что он молод. О своей молодости пишет и летописец Авраамка⁵.

В XV в. в Новгороде в составлении летописи принимал участие уставщик Матвей Михайлов, сделавший о себе и о своей семье ряд записей в летописи⁶.

Доказано участие в псковском летописании посадников⁷.

В конце XV в. известны как летописцы московские дьяки — люди также вполне светские и крупные политики. В своем походе на Новгород Иван III брал с собой летописца — дьяка Стефана Бородатого⁸. После смерти Афанасия Никитина рукопись его «Хожения за три моря» его товарищи купцы

¹ См.: Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года. — Исторические записки, № 25. М., 1948. С. 259—260.

² См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи. С. 234—241; Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 277—392.

³ См.: Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого. — Исторические записки, № 12. М., 1941. С. 245—246; Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. — ТОДРЛ, т. V. М.; Л., 1947. С. 49—53.

⁴ См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи. С. 282—285.

⁵ ПСРЛ, т. XVI. С. 320 (*понеже убо млад есмъ*)

⁶ А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов. С. 155—156.

⁷ А. Н. Насонов. О русском областном летописании. — Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1945, т. II. № 4. С. 292.

⁸ Софийские летописи. — ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853. С. 192 (под 1471 г.).

спешат доставить в Москву московскому дьяку Василию Мамыреву для включения в летопись.

В числе летописцев мы можем предполагать митрополита Даниила¹, ростовского епископа Вассиана Рыло² и мн. др.

Таким образом, социальный состав летописцев весьма разнообразен, но при всем разнообразии его в нем преобладают лица, занимавшие высокое общественное положение и принимавшие активное участие в политической жизни страны. Особенно важно отметить большое число лиц, выполнявших дипломатические поручения. Это, очевидно, не случайно, если принять во внимание, что летописями пользовались при дипломатических переговорах³. Впоследствии, в XVI–XVII вв., ведение летописания даже официально было передано в Посольский приказ⁴.

Основные понятия: летописный свод, летопись, летописец, редакция летописи

Терминология изучения истории летописания крайне неустойчива. Ни одно из понятий — свод, летопись, летописец, редакция летописи — не имеет строгого определения и различными учеными понимается иногда по-различному. Между тем нужда в точной научной терминологии в науке о летописании очень велика.

Неточность терминологии во многом зависит от самого характера явлений. Прежде всего обратим внимание на следующее. Летописи, как мы уже видели, представляют собой соединения и дополнения предшествующего материала. Каждый русский летописный памятник вырастает из соединения и переработки предшествующих памятников. От этого границы отдельных памятников в истории летописания лишены четкости. Мы можем говорить о памятнике в составе более крупного памятника, но при такого рода соединениях памятники перерабатываются летописцами. В связи с этим встает вопрос: какова же степень переработки предшествующего памятника, при которой мы уже не имеем права говорить о памятнике как о таковом. Возьмем простейший пример. В Ипатьевской летописи, в Лаврентьевской и

¹ Б. М. Клосс. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980, главы 3 и 4.

² Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV века. — ТОДРЛ, т. XI. М.; Л., 1955. С. 158–159.

³ См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи. С. 354 и сл.

⁴ См.: Л. В. Черепнин. «Смута» в историографии XVII века. — Исторические записки, № 14. М., 1945. С. 91 и сл; С. А. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903. С. 55–84 и др.